18+

ИСТОКИ РУССКОГО РАСКОЛА

Грани и смыслы

Сергей Пузырев

Сергей Пузырев

Истоки Русского Раскола. Грани и смыслы

«Издательские решения»

Пузырев С.

Истоки Русского Раскола. Грани и смыслы / С. Пузырев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-654063-7

Русский раскол, по представлению историка Александра Пыжиков, в его книге «Грани Русского Раскола», базируется на размежевании Русской Православной Церкви на два аспекта «Никонианство» и «Старообрядчество». Однако, как мы установили, для раскола РПЦ были объективные предпосылки, обусловленные природой существования человека.

ISBN 978-5-00-654063-7

© Пузырев С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава I. 8
Узлы противоречий 10
Купцы раскольники 15
Откровения 18
Рассуждения 26
А на кладбище… 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Истоки Русского Раскола
Грани и смыслы

Сергей Пузырев

© Сергей Пузырев, 2025

ISBN 978-5-0065-4063-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Хронология эволюции человека описывает основные события в развитии современного человека, и включает краткие объяснения особенностей в жизни цивилизации, от периодизации расселения первых людей до генетических основ политических и религиозных воззрений. Мы назвали такой цивилизационный период «Дыханием Империй», – больших государственных образований, возникавших, развивавшихся до огромных размеров и рассыпавшихся на части. На Руси, как и во многих других государственных образованиях, периодически происходили явления, именуемые расколом, когда целостное государство, по каким-либо причинам, начинало делиться на несколько частей. Начиная от древних гипотез, пытающихся объяснить текущие процессы в жизни человеческого сообщества, которые рассматриваются такими науками, как антропология, социология, этнография, религиоведение. И существуют работы, известных историков, и философов, как Платон, Аристотель, Сократ. Или более современных, как Павел Флоренский, Питирим Сорокин, Александр Дугин, или Евгений Николаевич Трубецкой. Однако мы будем опираться на свои данные, полученные в процессе нашего же исследования, ссылаясь на общеизвестные факты, не требующие доказательств. Культурологии, например, науки о наиболее общих закономерностях культуры, изучающей универсальные свойства, присущие всем культурам, независимо от их исторического места, объёма, национальной принадлежности.

Русский раскол, как представил это историческое явление, доктор исторических наук Александр Пыжиков, в своей книге «Грани Русского Раскола», базируется, по мнению автора, на размежевании РПЦ (Русской Православной Церкви) на два аспекта «Никонианство» и «Старообрядчество». В книге представлен взгляд Александра Пыжикова на отечественную историю, сквозь призму религиозного раскола, многосложные процессы, которого наложили отпечаток на всю социальную ткань российского общества. Когда, именно в конфессиональном своеобразии, кроются истоки ключевых событий истории государства, связанных с крушением в начале XX века российской империи в ее никонианском обличье. Когда потрясения, произошедшие в России и вызванные церковными реформами середины XVII века, имели большое влияние па развитие страны в последующие два столетия. Так, по мнению историка Пыжикова, миллионы русских людей не считали себя приверженцами официальной церкви и крайне враждебно относились к действующей власти. Когда целые губернии были охвачены раскольничьей фрондой, и существовали бесчисленные сёла, контролировавшиеся представителями старообрядческого движения. В руках весьма успешных купцов-староверов концентрировались огромные финансовые и промышленные ресурсы. И, по сути, была выстроена вторая, параллельная Россия: «Молодой славянофил Иван Аксаков, участник одной из государственных комиссий, писал тогда обречённо: „Право, Россия скоро разделится на две половины: православие будет на стороне Казны, Правительства… а все прочие обратятся к расколу… Кажется, нам суждено только понять болезнь и созерцать, как она пожирает постепенно ещё не вполне заражённые члены“. Собственно, это и случилось позднее в виде двух русских революций, для которых староверы подготовили щедрую почву. В этой книге впервые показана полная картина последствий духовного раскола русского общества и подлинная роль старообрядчества в истории России». В книге Александра Пыжикова представлены полторы тысячи ссылок на документы, и высказывания разных лиц, по заявленной теме. Надо сказать, что по многим вопросам, затронутым в книге Александра Пыжикова «Грани Русского Раскола», мы не согласны с автором, как и с его выводами. Но сделанная профессором историком работа дает возможность обсуждения темы старообрядчества, как цельной картины, с которой можно соглашаться или критиковать, указывая на какие-либо несоответствия. В той же манере, что и историк Пыжиков, не занимаясь изучением самого старообрядчества, как специфической черты русского народа,

без обсуждения конфессиональных разногласий старообрядцев с РПЦ. Без описаний различных течений самого старообрядчества и их конфессиональных различий. Без рассмотрения разных аспектов старообрядчества: предпринимательство, культура, традиции, литературное наследие и т. д. Когда по нашему разумению старообрядцы, как и казаки или иные обособленные группы населения России, не имеют этнических обособленностей от коренного населения государства. Тут не обойтись без ссылок на метафизику, на которую ссылаются упомянутые философы, рассматривая вопросы социологии, которые направляют наше внимание к двенадцатеричной системе человеческого сообщества. Или более позднего дуализма по Декарту, рассматривающего существование двух субстанций – материи и духа, на примере человека, стоящего на вершине эволюции, объединяющей: Мир минералов, мир растений, животный мир, мир человека, имеющего двойственную природу материи и духа. Учитывая соображения, что данная работа не является научной, то и имеющиеся факты по интересующим нас вопросам, будем излагать в максимально упрощенной форме, без нагромождения научных обоснований. Соблюдая неразрывную цепь последовательных событий, как это практикуется в мифотворчестве, без их верификации.

Глава I.
Диалог с историком

Историческая наука, как таковая, относится к инструментам государственной политики, формирующей мировоззрение населения, в рамках существующей идеологии. Она может включать в себя отдельные категории историков (чиновников от науки), имеющих разные допуски к историческим материалам: архивисты, исследователи, преподаватели. Поэтому сначала необходимо разобраться с каким типом историков мы имеем дело, благо что все данные о каком-либо значимом человеке широко представлены в СМИ. Александр Владимирович Пыжиков, специалист по истории России 50—60-х годов XX века. В Википедии есть информация, что Александр Пыжиков после института работал младшим научным сотрудником отдела истории КПСС Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Был заместителем директора Института социально-политических исследований РАН. Кандидатскую и докторскую диссертации защитил по темам: «Общественно-политическое развитие советского общества в 1953—1964 гг.» и «Исторический опыт политического реформирования советского общества в 50-е – 60-е годы», которую защитил в 1999 году. Доктор исторических наук. Доступ в архив скорее всего получил благодаря занимаемым должностям: помощника министра по связи и информатизации РФ (2000), помощника Председателя Правительства РФ (2000—2003), заместителя министра образования Российской Федерации (2003—2004). В 2001 году ему присвоено учёное звание профессора. Был профессором кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета. Глядя на послужной список Александра Пыжикова, можно понять, что перед нами историк – преподаватель, получивший кафедру в самый неблагоприятный момент своей жизни. Трагедия его, как ученого, видится в том, что первую половину сознательной жизни коммунист Пыжиков работал в «лоне КПСС». А вторую половину сознательной жизни, чтобы вписаться в политическую ситуацию, он должен был идти другим курсом, разоблачающим деятельность ЦК КПСС в новейшей отечественной истории.

Обретя свободу от коммунистической цензуры, Александр Пыжиков, начал преподавание новейшей отечественной истории в створе своего мировоззрения, сразу вступив в противоречие с другими историками, которые историческую канву видели иначе. Говорят, что Пыжиков создал свою конспирологическую концепцию, отвергая реальность татаро-монгольского ига и утверждая, что концепция «Москва – третий Рим» была создана Ватиканом, с целью натравить Ивана III на турок, чтобы русский князь совершил «политическое самоубийство» России. Для этой цели Католическая церковь женила его на Зое Палеолог, и, стремясь прибавить ему ощущения собственной значимости, прислали в Псков своего «агента», монаха Елеазара, который должен был внушить князю идею о Москве – третьем Риме. Но великий князь Иван III не купился на эту хитрость. Однако позднее, Романовы навязали Руси концепцию «Москва – третий Рим», и Россия их руками была порабощена Ватиканом. Концепцию историка Пыжикова, поддерживают и отдельные люди в публичном пространстве. Александру Пыжикову принадлежит идея «украинско-польского ига», под которым, по его мнению, Россия жила сотни лет. А Раскол Русской церкви, был инициирован царём Алексеем Михайловичем, и, находившейся «при его троне», Русской православной церковью, которых историк Пыжиков рассматривал как «украинско-польские конструкции». И проводил прямую аналогию между старообрядцами и большевиками.

Наш интерес к историку Пыжикову состоит в том, что захотелось понять, зачем историк такого уровня, высказывает откровенную ересь, по отношению к сложившейся исторической картине. И гадать тут долго не пришлось, глядя на послужной список доктора исто-

рических наук Александра Пыжикова. Думается, что профессор, после утраты государством прежней идеологии, увидел свой пустой портфель, когда прежние его работы оказались вредными, и никому не нужными, и ему не чему учить студентов. Когда многие ученые, оказавшиеся в подобной ситуации, спокойно существуют в сложившихся обстоятельствах. И, историк Пыжиков, взвалил на себя неподъемную ношу, взявшись за изучение целого пласта русской истории, связанной с сакральными знаниями, символами и знаками. Отсюда видны явные ошибки историка, стремящегося быстрее сделать обоснование своей теории, которая концентрируется на выяснении влияния, которое имел религиозный раскол, произошедший в XVII веке, на ход российской истории в целом. Однако, делая попытку прочтения русской истории сквозь призму старообрядческого фактора, надеясь представить перспективной в изучении исторического материала с точки зрения русского старообрядчества. Александр Пыжиков, тем самым, делает неверные построения в общей исторической картине развития русской государственности. Попытаемся понять, какую правду о религиозном расколе, произошедшем во второй половины XVII века, когда шла борьба последователей старой веры и приверженцев никоновских реформ, хотел показать историк. Говоря о том, что присутствие раскола в российской жизни сводится к минимуму, а все внимание к нему сосредотачиваются лишь на внутренней жизни этой религиозной общности: «Данной книгой предпринимается попытка разорвать этот порочный круг, придав изучению старообрядчества новые смыслы. Говоря иначе, показать, что русский раскол -это не удел мелких групп, обреченных обитать в условиях этнографического чулана, а масштабное явление совсем не маргинального характера. Книга по-новому пытается поставить вопросы влияния раскола на ход российской истории после XVII столетия, т.е. после того, как старообрядчество, по убеждению многих, оказывается на периферии исторических событий. Учитывая объемность поставленной задачи, автор ставит в качестве цели не ответ на все возникающие вопросы, а лишь привлечение внимания к дальнейшему исследованию русской истории в русле предложенного подхода. Насколько удалась эта попытка судить читателям. Затронутые в пяти разделах работы темы, вне всякого сомнения, могут и должны стать предметом специального изучения».

Получается так, что своим вбросом в историографию, темы о старообрядчестве, ученый историк, сам не отвечает на поставленный им же вопрос, а лишь призывает, каких-то его последователей разобраться в обозначенной истории государства. Заведомо безрезультатно, когда мы знаем, что с самого начала истории раскола, правители государства исповедали официальное православие, и их не интересовали догматические споры представителей противоборствующих сторон. К религиозной тематике мы равнодушны и попытаемся разобраться в созданных историком «узлах противоречий», которые не вписываются в логические построения общепринятой конструкции нашей истории. С точки зрения простого повествования происходящих событий. Не копаясь в имеющемся нагромождении ссылок подтверждающих, изложенный текст, мы полностью доверяем Александру Пыжикову и будем ссылаться только на него.

Узлы противоречий

Здесь надо приводить, какой-то текст из книги Пыжикова «Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года», и давать свои возражения, обоснованные на каких-то общепризнанных исторических фактах. А таких узлов противоречий очень много, если не сказать, что вся книга состоит из противоречий. Когда историк, в кажущейся роли прозелита, стремится обратить читателей в свою веру, рассматривая русскую историю сквозь призму старообрядческого фактора, с точки зрения русского старообрядчества.

В первой же главе своей книги историк Пыжиков делает разделение власти и народа, говоря о том, что до середины XIX века, ни российское государство, ни общество толком не знали, что представляет собой старообрядческая реальность. В контактах с правительством на протяжении почти полутора столетий от имени старообрядцев выступали богатые купцы, каждое обращение которых сопровождалось подношением: «Высший свет, ориентированный на европейские образцы, долгое время в принципе не интересовался жизнью русского народа. В частности, раскол – в качестве формы народной самоорганизации – оценивался не иначе, как проклятое наследие татарщины. Со времени разгрома легальной староверческой оппозиции с начала XVIII века образованные слои почти перестали обращать на старообрядцев внимание. О раскольниках вынуждены были вспоминать, прежде всего, в связи с ростом их численности. Однако это не стимулировало сколько-нибудь серьезного изучения этого явления. Достаточно сказать, что почти за полтора столетия существования раскола в стране не вышло и сотни посвященных ему книг и статей». При этом со времен Екатерины II государство, побуждаемое прагматикой и просветительством, прекращает давление на раскол и пытается встроить его в свои планы. В результате политику властей по отношению к этой – значительной – части общества все больше определяют фискальные задачи, а миссионерская нетерпимость архиереев перестает отвечать устремлениям правительства. Напомним, что, начиная с правления Петра I, епископские кафедры в России занимали выходцы из киевской духовной школы, относившиеся к старообрядчеству с нескрываемой враждебностью. Постепенная их замена во второй половине XVIII столетия на великороссов позволила государству попытаться проводить политический курс, вошедший в историю под названием единоверия. Его разработка относится к 1780-м годам, когда отмена для раскольников двойного оклада интенсифицировала поиск возможности соединить две ветви православия. Обратиться к Екатерине II с просьбой дать старообрядцам, приемлющим священство архиерея, принадлежала графу А. И. Румянцеву-Задунайскому и князю Григорию Потемкину В своих контактах со староверческими лидерами Стародубья эти влиятельные деятели екатерининской эпохи обещали поддержать эту идею. Однако, при претворении ее в жизнь камнем преткновения стало то обстоятельство, что раскольники выступали за подчинение непосредственно гражданским властям, не желая находиться в ведении Синода и епархиальных администраций. Тем не менее, в 1800 году уже при императоре Павле I, единоверие было учреждено в качестве особой организационной формы для раскольников, согласных войти в подчинение Синоду с сохранением своих дониконовских обрядов. Иными словами, обязательство принимать священство от господствующей церкви позволяло сохранить древний богослужебный чин».

Здесь историк Пыжиков противоречит сам себе, утверждая о том, что правительство не занималось вопросами старообрядчества и в то же время повествует о том, что правительство вписало в конечном итоге старообрядцев в существующее общество. Отменив двойной оклад подушевой подати, которой при Петре I стало облагаться все население страны, а с раскольников, т.е. лиц, объявивших себя приверженцами старой веры, бралась в двойном размере. Бесполезно спорить с каким-либо демагогом, имеющим статус профессора, и который может манипулировать информацией в своекорыстных целях. Однако надо согласиться с тем,

что разработка принципов единоверия шла довольно трудно. К примеру, переговоры со стороны старообрядцев возглавили лидеры Рогожского кладбища в Москве, которые выступали как поверенные других регионов страны. Но власти оспаривали право такого представительства и якобы имеющегося отчуждение правящего класса от собственного народа, продолжая нивелировать старообрядческую идентификацию простонародья. Проводя его через школу гражданского воспитания, каковой в ту эпоху являлась господствовавшая церковь, а «раскольничья» тема в российских элитах вне единоверческого контекста практически отсутствует. И даже оппозиционные декабристские общества, вобравшие весь цвет высших слоев, не видели ни раскола, ни его потенциальных возможностей. А тема раскола осталась за рамками многотомных исторических изданий концептуального характера. Вызывает недоумение, когда ученый выдвигает подобные провокационные идеи, хорошо осознавая, что вся литература и наука до революции 1917 года находилась под патронажем РПЦ, которая не допустила бы никакой публикации о конкурирующей старообрядческой церкви. Так же, как и в СССР, все вопросы идеологии контролировалась ЦК КПСС. Да и кого могла интересовать информация о религиозных особенностях староверов, когда любая религиозная пропаганда была запрещена, отчего староверы даже укрепляли свои позиции, оставаясь в своих скитах и затворах. При этом Пыжиков подает религию раскольников, как суть народной жизни, и душу народа, говоря о том, что раскольники из горных предприятий Урала поддержали Пугачевское восстание. Слыша в этом отголоски казачье-раскольничьей вольницы, как принципиально иной организации жизни, отличной от жизни общества, построенного на Табели о рангах. Краеугольный камень такого уклада – общность управления, выраженная в коллективной воле. Иллюзия какой-то свободы, которой никогда не было ни у казаков, ни у раскольников.

В конце тридцатых годов XIX столетия власть в России поворачивается лицом к своему собственному народу. Речь идет о концепции «православие, самодержавие, народность». Теория официальной народности, возникшая в годы царствования Николая 1, стала краеугольным камнем самодержавной политики на долгое время. Эта теория основывалась на принципах православной веры, самодержавия и народности. Данная идеология впервые была озвучена в 1833 году графом Уваровым, который в Российской Империи занимал пост министра народного Просвещения. Здесь Александр Пыжиков отмечает: «На самом деле эта теория – не российское ноу-хау; это адаптированный вариант наработок немецкого романтизма, с начала XIX века популярного во многих странах Европы. Суть романтизма как самостоятельного течения общественной мысли – в противостоянии классицизму, пропитанному аристократическим духом и долгое время остававшемуся законодателем европейской моды в политике. Именно этот идейный источник дал жизнь новым научным школам, которые приступили к серьезному изучению национальных историй, народных языков, традиций и т. д. Последователи романтиков утверждали ценности, помогающие обретать самоидентификацию государствам и народам. Но подходы ученых-интеллектуалов представляли не только научный интерес – они оказались востребованы властями, которые оценили их перспективность с политической точки зрения. Ряд германских государств, и в первую очередь Пруссия, взяв на вооружение взгляды романтизма, поставили в центр идеологической архитектуры идею нации, которая с помощью религии и церкви сплачивается вокруг монархов. Мысль выглядеть не просто правителем, а „отцом“ народа не могла оставить равнодушным Николая I, особенно в свете его комплексов, связанных с восстанием декабристов».

Романтизм, поставленный в центр идеологической архитектуры идею нации, которая с помощью религии и церкви сплачивается вокруг монархов, знакома нам из произведений рыцаря миннезингера Вольфрама фон Эшенбаха (ок1170-ок1220), главной поэмой которого служит насчитывающая 25 тысяч стихов «Parcival», рассказывающая о «Короле былого и грядущего» и рыцарях круглого стола короля Артура. Истории о доблестных рыцарях круглого стола, Ланселоте, Гарете, Парсифале, вошли в список литературы многих стран, в том числе

и в России. В эпоху позднего Средневековья, рыцарские обеты превратившись в красивую форму ролевой игры, как некогда театрализованные ритуалы элевсинских и других мистерий. Известна традиция сближения образа рыцаря и святого, короля и рыцаря, каковыми были король Артур, король Ричард Львиное Сердце, император Павел, герцог Бургундский Карл Смелый и другие рыцари, имевшие королевское достоинство, короля, рыцаря и святого. В цикл легенд о короле Артуре, входит легенда о Граале, как поиск чаши высшей святости, которая помещалась в центре мистического круглого стола во дворце короля Артура – Камелоте. От Грааля, неотделимы еще два предмета, копье, некогда пронзившее тело распятого Христа, – питающее, разящее и целящее, и заветный меч царя Давида (библейской традиции), уготованный рыцарю-девственнику. Некоторая неясность, что же такое Грааль, – конструктивно необходимая черта этого образа: Грааль – это табуированная тайна, невидимая для недостойных, но и достойным, являющаяся то так, то иначе, с той или иной мерой «прикровенности». Грааль – символ бессмертия, духовной чистоты, мистический центр земли, обладает способностью чудесно насыщать своих избранников неземными яствами. Дискуссии идут о том, какие из легенд о Граале восходят к ортодоксально – христианской, апокрифической, а какие к кельтской языческой традиции. Здесь надо было бы остановиться и напомнить, что указанные языческие традиции, относятся к другой ветви христианской религии, – католицизму. Но не надо торопиться, когда рыцарская тема присутствует и в России.

Мы знаем, что рыцарем мог стать только дворянин. Посвящение в рыцари проводилось в торжественной обстановке, когда посвящать в рыцари мог только король (не королева). В последствии посвящение стал делать Великий магистр рыцарского ордена, которые обычно так же имели формальную принадлежность к королевскому дому. Обучение рыцаря происходило в служении в качестве пажа знатной дамы, а затем оруженосца у кого-либо из рыцарей, который затем и представлял своего оруженосца королю, для посвящения в рыцари. Таким образом, каждый рыцарь, имел свою историю и принадлежность к какому-либо землевладению или военному рыцарскому ордену, отмеченными соответствующими геральдическими символами, которые рыцарь по обыкновению носил на своем щите. И далее по Александру Пыжикову: «Надо заметить, что немецкий романтизм вдохновлял в ту пору не только государственные власти России. Он послужил основой для такого общественного движения, как славянофильство. Его идеологи, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, К. С. Аксаков и др., находились под влиянием романтической школы, усматривая в народе эстетический источник, а началом искусства считали веру и язык. Они идеализировали общину как организационную форму народной жизни и огромное значение придавали православию, но церковный раскол понимали по-европейски, то есть исключительно как размежевание православия с католицизмом. Западных просветительских идей славянофилы не принимали, утверждая, что это не нужно российскому народу, который всегда был верен монархии. Тем не менее Николай I, проводя политику официальной народности, не стал опираться на данную группу интеллектуалов, а предпочел более управляемые бюрократические механизмы. Можно сказать, что в идейном смысле славянофилы оказались своего рода конкурентами государства, мешавшими реализовывать триаду „православие, самодержавие, народность“. Однако их знания о народе и отношение к нему носили преимущественно теоретический характер. Недостаточная осведомленность проявлялась и в редких славянофильских оценках раскола. К примеру, лидер группы А. С. Хомяков так рассуждал о путях, как он писал, уничтожения рогожского раскола: „… перезвать в общение с православными раскольничьих епископов… подчиняя их не Синоду, а греческим патриархам или сербскому? Подготовить это агентами, созвать их в городе не русском, сделать публичное заседание при самих раскольниках“. Такой вариант, наподобие единоверия, вынесенного за национальные рамки на просторы всего православного пространства, по всей видимости, считался приемлемым рецептом для решения сложнейшей проблемы, пронизывающей все российское общество. Стремления же к научному изучению раскола в кругу

этих интеллектуалов в те годы еще не прослеживалось. Их усилия сосредотачивались на демонстрации преимуществ православной веры перед западным католицизмом и протестантизмом».

И далее по всему тексту книги, вторым планом, чувствуется вопрос, ну почему, почему ни кому не интересен раскол, почему его ни кто не изучает, а только формально делаются, какие-то отписки государственных чиновников. И историк Пыжиков идя по тонкой грани, разделяющей правду с откровенной ложью, провоцируя и манипулируя знаниями, пытается вытрясти на поверхность, из глубин исторических документов, историю о расколе. Надо полагать, для того, чтобы пересмотреть историю раскола в пользу раскольников, приводя высказывания путешествующего по России немецкого ученого А. Гакстгаузена, который высказался о русском расколе. В своих записках путешественник рассказывал о сектах, с которыми ему пришлось столкнуться в ходе поездки по губерниям: 1) секты появившиеся до патриарха Никона и происходившие, по его мнению, от гностиков; 2) раскольничьи толки XVII века, возникшие вследствие церковной реформы, и 3) секты, сформировавшиеся в правление Петра I под влиянием западных религиозных веяний (молокане, духоборцы). Причем ни православное духовенство, ни чиновники не стремились обсуждать с бароном вопросы вероисповедания. И возникает противоречие, когда к заявлением о том, что правительство не желает вникнуть в дела раскольников, в то же время говорится о том, что МВД занималось выявлением различных сект, согласий, толков. Однако их систематизация опиралась не на научные подходы, как у А. Гакстгаузена, а на степень их «вреда» для православного государства. И отмечается, что в 1830 году среди вредных религиозных общностей власти еще не называли староверие, упоминая лишь духоборцев, молокан, иудействующих, иконоборцев. Таких сект было зафиксировано около полутора сотен. Более того, в 1842 году министр МВД (граф Л. А. Перовский) привлек к изучению вопроса о раскольниках знатока народного языка и фольклора Владимира Даля и ученого-этнографа Николая Надеждина, знатока раскола церкви и её истории.

Комиссия действительного статского советника, профессора Московского университета Николая Ивановича Надеждина умершего в 1856 году, в большей степени имела негативное отношение к расколу. Но архивных документов самого Надеждина не нашли, как утверждает Пыжиков, а вышла в 1855 году «История русского раскола, известного под именем старообрядчества», под авторством московского митрополита Макария.

Комиссия помимо оптимистических планов по нейтрализации раскола, выявила ранее неизвестного властям согласия, получившего название бегунов или странников, по всей видимости тех, кто стремился в «места обетованные». Говорят, что комиссии, работавшие по губерниям, пользовались данными местных администраций и перепись населения, проведенная в 1897 году, показала около 2 миллионов староверов. А по оценкам заинтересованных персон эта численность явно занижена, как минимум в 10 раз. И так по всей книге Александра Пыжикова, между строк, слышатся стенания историка, изображающего себя в роли наивного простака, – ну когда! Когда начнут публичное рассмотрение темы старообрядчества, для обсуждения в публичном поле. Непонятная заинтересованность человека, не желающего понимать о религиозных войнах, вызванных религиозной нетерпимостью, последователей какого-либо учения. И хочется ответить на этот повисший в воздухе вопрос: «Потому, что руководителем церкви со времен Петра I является император. А после революции 1917 года церковь отделена от государства. Поэтому, никакой информации о сектах, в публичном обсуждении не будет. Обвинение в том, что правительство ничего не делает в отношении изучения истории раскола, является неправдой, и как мы видим историк Пыжиков сам перечисляет действия правительства, в отношении старообрядчества и привлечения к этому вопросу этнографов. И надо сказать, что страна в указанный период временя вело войны. Крымская война 1853—1856, Русско-турецкая война 1877—1878, а между ними совершались походы в Туркестан.

Пыжиков отмечает, что популяризация старообрядчества в российском обществе, со второй половины 1850-х – начала 1860-х годов. Именно в этот период нарастает волна интереса

к расколу со стороны различных общественных деятелей, литераторов, ученых и прочих заинтересованных лиц. Тема раскола, разрабатывавшаяся в недрах министерства под строгим грифом секретности, становится достоянием гласности. Сейчас же на фоне многолетнего насаждения атеизма во все образовательные структуры СССР, какого-либо значительного интереса к религиозным сектам в обществе нет. А весь клубок, перепутанных между собой радикальных учений христианской церкви, изучают соответствующие структуры РПЦ. Которые в рамках единоверия возможно предложат конкурирующей церкви вернуться к рассмотрению догматических противоречий начиная с разделения церквей произошедшее в 1054 году. Когда некогда единая христианская церковь разделилась на два крыла:

- Римско-католическую церковь на Западе с центром в Риме;
- Православную церковь на Востоке с центром в Константинополе.

Купцы раскольники

Перечислять купеческие фамилии, находящиеся в расколе с официальной церковью, мы не будем, по причине того, что все известные по этой теме материалы, не являются истинными. Как и упоминал сам историк Пыжиков, говоря о том, что в теме раскольничества нет достоверной информации. И вот наконец, к радости Александра Пыжикова, появилась нужная информация о том, что выпускник Казанской духовной академии А. П. Щапов выступил с рядом статей, опубликованных «Православным собеседником». Где автор рассматривал раскол, не только как обрядовое уклонение от православия, но и как явление, напрямую связанное с состоянием русского общества начиная с XVII века. А. П. Щапов использовал те материалы, которые содержались в свезенных в Казань полицейских архивах из которых он выделил политическую составляющую старовериия, придавая ей особое значение: «Общность вражды раскольничьих сект к православному правительству и православной церкви, связала всех вообще раскольников, несмотря на различие их толков, в одно братство, которое хотя и предоставлялось как будто бы распавшимся на части, но всегда единодушно стремилось к одной общей цели – к большему расширению и, если можно, к господству в России». И тут становится понятным зачем нужно историку Пыжикову будоражить общественность, требуя диалога между двумя противостоящими друг другу конфессиями, о чем будет сказано в другом разделе.

А пока вернемся к теме российского рыцарства, тема, давно присутствующая в русском менталитете, когда такое религиозное учреждение, как монастырь напрямую связано с рыцарскими замками. Когда сакральный смысл рыцаря и святого, как это часто бывает в русской семантике, возникает при прочтении слова в обратном направлении. Монахи рыцари жили в орденских замках, монахи воины жили в монастырях и часто, бывало, так что обороной от нападения какого-либо «супостата», на отдельной территории, руководил игумен монастыря, под защиту которого собиралось все местное население.

Рыцарь, – явление, относящееся к католической церкви, и в России они появились после раздела Польши, и включения царства польского в состав российского государства. А в титул императора российского, был включен и титул, -«царь польский, император российский». Появились российские графы и бароны из числа польско-литовской знати и прибалтийских государств. С появлением Великого приорства Российского (орден госпитальеров – Мальтийский орден), магистром которого был избран Император России Павел I. Который в 1797 году подписал договор с мальтийским орденом о создании Римско-католического Великого Приорства из 10 Командорств в России в качестве компенсации за потерю доходов из бывшего Великого Приорства Польского.

В 1798 году, после захвата Наполеоном Мальты, Орден был разогнан, но большому количеству беглых мальтийских рыцарей было дано убежище в Санкт-Петербурге, где находился Павел I Великий Магистр ордена. Это очень важная знаковая точка в истории России, когда лидер Русской Православной Церкви, принял руководство Римско-католическим рыцарским орденом.

Существуют списки членов Мальтийского ордена святого Иоанна Иерусалимского в Российской империи: Священный Совет Державного Ордена святого Иоанна Иерусалимского, Великое Российско-Православное Приорство, Великое Российско-Католическое Приорство, Командоры Ордена в России. Это достаточно много дворян, представителей известных аристократических фамилий. Знатнейшие русские дворяне (Нарышкины, Юсуповы, Долгоруковы, Трубецкие, Бутурлины и др.), с разрешения Императора, начали учреждать свои родовые командорства. Для этого достаточно было иметь три тысячи рублей ежегодного дохода с собственных имений, и отчислять каждый год с него десять процентов в орденскую казну. Учре-

дитель командорства, и его наследники получали право носить командорский крест и мальтийский мундир. Единственная возможность наследования – при происхождении по мужской линии от основателя Командорства, и наличие офицерского звания на воинской службе. По традиции, рыцарь должен знать тактические приемы ведения войны и уметь командовать отрядом.

При императоре Александре I, корона гроссмейстера мальтийского ордена и церемониальный меч оказались в Оружейной палате. Прежний высокий статус мальтийского креста был принижен. Говорят, что при Александре I, рыцарем-командором и министром финансов был граф Васильев. Царь-Миротворец Александр III, с разрешения отца, получил звание бальи Большого Креста Чести и Преданности Мальтийского ордена 29 декабря 1875 года, когда был еще цесаревичем. Говорят, что после императорских указов Александра I имущество российского Великого Приорства в России было национализировано, как и имущество наследственных Командорств.

И есть противоречивая информация о том, что в 1953 году, Потомственные командоры провели встречу в Париже и составили Конституцию для Российский Великого Приорства в изгнании. Говорят, что это иллюзорное приорство мальтийских рыцарей, как и иллюзорный орден тамплиеров, существует до сих пор. С упразднением мальтийского креста, в качестве воинской награды, не закончилась рыцарская тематика в России. Мальтийский крест был передан в качестве особого знака в Пажеский корпус. И сразу вспоминается история с институтом пажей в средневековой Европе, связанная с особыми ритуалами, при посвящении дворянина в рыцари. Институт пажей в России учрежден был по указу Петра I по образцу германских дворов. А сам Пажеский Его Императорского Величества корпус был учреждён в 1759 году именным указом Елизаветы Петровны, как придворный пансион «Пажеский Ея Императорского Величества Корпус» и просуществовал в таком виде до вступления на престол Александра I. Который, в 1802 году, реформировал его в военно-учебное заведение, поставлявшее кадровых офицеров лейб-гвардии. Выпускники Пажеского корпуса к началу XX века составляли основу гвардейского офицерства и генералитета, а также высшей государственной бюрократии империи. 5 апреля 1742 года, императрица Елизавета Петровна, указом утвердила комплект в числе восьми камер-пажей и 24 пажей, которых предварительно обучали в пажеской придворной школе, истории, географии, арифметике, французскому и немецкому языкам, танцам и фехтованию.

Екатерина II, указом 1762 года ограничила приём в Пажеский корпус исключительно детьми дворян, известных своими заслугами перед Россией. Штат пажей был определён в числе шести камер-пажей и 40 пажей. В таком виде Пажеский корпус просуществовал 12 лет, и на начало XIX века состоял из трёх пажеских классов (на 50 пажей) и одного камер-пажеского (на 16 камер-пажей). В рыцарских традициях, должность пажа, является первой ступенью на пути дворянина к посвящению его в рыцари. Вторая ступень к посвящению в рыцари, – это должность оруженосца, при рыцаре наставнике. Пажеский корпус, после реформы Александра I, наилучшим образом соответствовал этому требованию, превращаясь из придворного, в элитарное военно-учебное заведение, для будущих офицеров гвардии. Которым при получении офицерского звания (до подполковника включительно) было пожаловано старшинство «против армейских одним чином выше». Впоследствии, после Октябрьской революции, такую привилегию будут иметь офицеры МГБ.

После реформы 1865 года, все воспитанники пажеского корпуса носят звание пажей, а при переходе в старший специальный класс, те лучшие из них, кто удовлетворяет определённым требованиям (по успехам в науках и по поведению), производятся в камер-пажи. К приёму в корпус допускались только зачисленные предварительно, по Высочайшему повелению, в пажи к Высочайшему двору, а просить о таком зачислении, разрешалось лишь о сыновьях и внуках лиц, состоящих или состоявших на службе в чинах первых трёх классов, или же

об отпрысках древних родов, занесённых в родословные книги. Камер-пажи, были прикреплены и несли службу при императрице и великих княгинях во время балов, торжественных обедов, официальных церемоний и других мероприятий, где их присутствие было обязательным по протоколу. Количество камер-пажей и общий порядок был такой: при императоре – один камер-паж, при каждой императрице (вдовствующей и действующей) – по два камер-пажа, и при каждой из великих княгинь – по одному камер-пажу. Ещё один паж назначался запасным камер-пажом на случай болезни одного из камер-пажей. Таким образом, в 1896 году, когда имелось девять великих княжон и две императрицы, несли почётную придворную службу 14 камер-пажей и один был запасным.

Масонство, считающее себя наследниками рыцарских традиций, незримо присутствовало и в пажеском корпусе, наследовавшим знаки мальтийского ордена. Когда, в качестве директорского и учительского состава, могли находиться представители командорств, учрежденных еще Павлом I. Примером тому может служить масонский диплом декабриста П. И. Пестеля. Таким образом, мы можем видеть, не только соблюдение в России рыцарских традиций, но и свободные нравы, позволяющие формирование среди пажей зачатков тайных обществ. Когда выпускниками элитного Пажеского корпуса были не только прославленные генералы Паскевич, Брусилов, но и либералы революционеры Кропоткин, Пестель, Родзянко. В 1992 г. Мальтийский орден официально вернулся в Россию. По слухам, его членами стали Горбачев, Ельцин, Березовский, Бурбулис, и еще ряд деятелей из российской политической элиты. Но это скорее можно сравнить с какой-то клоунадой, имеющей свойство самопиара.

Принадлежность к пажескому корпусу, революционно настроенных лиц говорит о том, что они, – эти лица, не выполнили своего обязательства перед сувереном. В соответствии того кодекса рыцарской чести, которому они присягали. А представленный объем информации, приводит к умозаключению, что вопреки всяческой критики, правительство постоянно обращало внимание на обстоятельства, когда помимо православных старообрядцев, имеющих множество разных толков, в стране имеется множество других сект, включающих в себя и христиан католиков. Здесь мы видим, что профессор Пыжиков явно кривит душой, обвиняя власти в том, что они не сотрудничают с раскольниками. Что заставляет профессора от истории извращать информацию и давать недостоверные данные, рассматривая историческую картину с позиции староверов, попытаемся узнать в следующем разделе. Возможно, рассказывая о работе комиссии МВД, по вопросу религии старообрядцев, документы которой исчезли таинственным образом, историк Пыжиков тем самым, мог видеть себя самого в качестве эксперта в вопросах старообрядчества.

Откровения

Описывая деятельность чиновника МВД П. И. Мельникова по разгрому скитов на территории Нижегородской губернии, Александр Пыжиков упоминает, что у молодого чиновника, помимо служебного рвения, просыпается и научный интерес к расколу, изучением которого он занялся вплотную. По итогам работы комиссии, благодаря стараниям П. И. Мельникова, был подготовлен обширный отчет, который затрагивал большой комплекс вопросов: религиозных, экономических, статистических, географических и т. п. Затем П. И. Мельников покинул службу и посвятил себя литературной деятельности, написав популярные романы «В лесах» и «На горах», которые дают масштабную панораму староверческих представлений и быта.

В разделе «Мода на старую веру» Александр Пыжиков пишет: «Исследования раскола, проведенные властями в середине XIX столетия, позволили аккумулировать значительный материал. Однако, как известно, после кончины Николая I внутриполитические акценты в России существенно сместились. Ожидавшаяся отмена крепостного права, либерализация общественной жизни, выдвинувшись на передний план, стали основной заботой власти. Обширное изучение раскола, предпринятое николаевским правительством, было свернуто. Наработанный чиновниками МВД за десять лет информационно-аналитический массив был передан в редакцию «Православного собеседника». Этот журнал был учрежден для миссионерских целей при Казанской духовной академии в 1854 году. Получив такое подспорье, он одним из первых стал публиковать содержательные материалы по самым различным вопросам старообрядчества и сектантства, сразу привлекшие внимание общественности. Вот некоторые из них: «О причинах разделения главных раскольничьих сект на многие толки», «Происхождение раскольничьего учения об антихристе», «Исторические сведения о молоканской секте», «О самосжигательстве раскольников», а также справочные материалы о расколе в различных губерниях и др. Значительная часть публикаций представляла собой переработанные записки, справки и отчеты, подготовленные в разные годы чиновниками из МВД.

Правда, ссылки на них в журнале отсутствуют; вместо этого во многих номерах указано, что в качестве главного источника тех или иных материалов использованы рукописи бывшего саратовского епископа Иакова. Помещенные на страницах «Православного собеседника» статьи во многом задавали тон в деле популяризации старообрядчества в российском обществе второй половины 1850-х – начала 1860-х годов. Именно в этот период нарастает волна интереса к расколу со стороны различных общественных деятелей, литераторов, ученых и прочих. Тема, разрабатывавшаяся в недрах министерства под строгим грифом секретности, становится достоянием гласности».

Здесь ученый историк Александр Пыжиков либо ошибается, либо намеренно вводит своих читателей в заблуждение. Потому, что интерес общественности возникает не к старообрядчеству как таковому, а вообще происходит моральное возбуждение в среде интеллигенции и студентов, стремившихся «развивать» барышень всех званий и состояний. Молодые люди пустились развивать их посредством умных разговоров и чтения передовых русских и европейских мыслителей. Писатели того периода, достаточно много представили литературы по этому поводу.

В Европе возникает движение возглавляемое Олимпией де Гуж, направленное к улучшению семейного, социально-экономического и юридически-политического положения женщины. Романы Жорж Санд призывали к защите свободы женской индивидуальности в семье и обществе. Большое значение имела переведенная на все языки книга британского философа и политического деятеля Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины» (1869). С 1870-х возникают первые женские союзы: в Северной Америке для достижения избирательных прав, в Германии для содействия женскому труду и женскому образованию. Женское движение, раз-

виваясь в европейских странах, в общем, усилилось с 1890-х, получив название феминистского. До второй половины XIX века среднеобразовательные школы для женщин в Западной Европе были малочисленны. Доступ для женщин в университеты и другие высшие школы начался лишь в последнюю четверть XIX века. В России женское образование для высших сословий получило начало с учреждения в 1764 г. Смольного института и ряда закрытых учебных заведений в начале XIX века. Открытые женские гимназии для всех сословий начали учреждаться с 1860 г. Например, Читинское Епархиальное женское училище открыто в 1895 как 6-классное по просьбе епископа Забайкальского и Нерчинского Георгия. Воспитанницы получали знания по Закону Божьему, русскому и церковно-славянскому языкам, арифметике, географии, теории словесности, физике, истории, литературе, рисованию, черчению, различным педагогическим дисциплинам. О свободных настроениях в обществе, того периода времени, мы знаем из произведений классиков: «Отцы и дети» Ивана Тургенева.

Действия в романе происходят накануне крестьянской реформы 1861 года. Дворянин и помещик Николай Петрович Кирсанов встречает своего сына Аркадия, который окончил университет и приехал в родной дом из Петербурга. Аркадий объявляет, что с ним приехал его лучший друг Евгений Васильевич Базаров, доктор и нигилист. Базаров и Аркадий некоторое время гостят у Кирсановых, но напряжённые отношения со старшими Кирсановыми заставляют нигилиста Базарова покинуть Марьино и отправиться в губернский город.

Или у Дмитрия Писарева: – «Вслед за крестьянским вопросом – главным вопросом эпохи – возникало множество других. Среди них одно из первых мест занимает, пожалуй, женский вопрос. Он не был ни самым значительным, ни самым острым, но самым общедоступным». Проснувшееся общественное сознание, ополчилось против лицемерия, предрассудков, населения, по отношению к женщине, которая хочет и может учиться, работать, участвовать в общественной жизни, свободно создавать семью и быть в ней равноправной. Поводом для практической постановки женского вопроса послужила самоотверженная деятельность русских женщин в качестве сестер милосердия во время Крымской войны.

Организатор этой деятельности известный хирург Николай Иванович Пирогов выступил в 1856 году в Морском сборнике со статьей «вопросы жизни». «Воспитание женщины, в котором заключается „воспитание человечества“, вот что требует перемены, – утверждал Пирогов и доказывал, что от уровня образования женщины зависит духовное и материальное благополучие страны. Вслед за статьей Пирогова, появились в журналах другие статьи; раздавались голоса „за“ и „против“. В условиях имеющихся противоречий поэт Михаил Ларионович Михайлов начал „поворачивать“ внимание общества к женщине. Осенью 1858 года он начал публиковать в „Современнике“ свои Парижские письма», за которыми в следующем году последовали «Лондонские заметки», а еще через год – обширная статья «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» и ряд более мелких – о женщинах в университете, об эмансипации женщин по взглядам Милля, об истории женщин в разные века и у разных народов. В своих статьях Михайлов знакомил русских читателей с женским движением на западе. Статьи Михайлова произвели, по словам Н. В. Щелгунова «в русских умах землетрясение», но большинство их появилось позднее, в 1860—1861 годах. Наполеоновские войны начала века, дух масонства, пронизывающий молодых аристократов послужили причиной того, что в стране стали создаваться различные общества занимающиеся вопросами изучения разных культур и религий. Сюда же можно отнести и теософское общество Елены Блаватской, поддерживаемое масонскими ложами. Все происходит на фоне освободительных войн, в Европе движение Гарибальди, в Америке начало гражданской войны Севера с Югом.

К разночинцам пошедшим в народ относились выходцы из духовенства, купечества, мещанства, крестьянства, мелкого чиновничества. Получение образования без службы государству означало для разночинцев не только отрыв от прежней социальной среды, но и необходимость существовать на доходы от своих личных занятий, в основном от умственного труда.

В художественной литературе и публицистике того времени разночинцы часто противопоставлялись дворянам, как мы это видим в романе Тургенева «Отцы и дети». Они воспринимались не только как социальный слой, но и как носители новой идеологии – либеральной, демократической, прогрессивной, революционной, социалистической или нигилистической. Определённая их часть была сторонниками радикальных политических преобразований. Литературные выразители этих идей назывались писателями-разночинцами. К политическим их представителям относили «революционных демократов» и народников.

Первая публикация романа П. И. Мельникова «В лесах» происходит в 1874 году. Из чего можно сделать вывод о том, что романы П. И. Мельникова «В лесах» и «На горах» появились не из любви к раскольникам, а благодаря ситуативным проявлениям интересов общественности. Когда историк Пыжиков сам дает информацию, что другие авторы публикаций о раскольниках видят в старообрядчестве – как в купеческих верхах, так и в народных низах – источник всевозможных преступлений.

Здесь надо сказать, какие аналогии можно проводить между специальным чиновником МВД П. И. Мельниковым и специалистом ЦК КПСС Александром Пыжиковым. Павел Иванович Мельников, работал чиновником особых поручений (1847—1856) в комиссии МВД по искоренению старообрядчества. А популяризатор старообрядцев Александр Пыжиков работал младшим научным сотрудником отдела истории КПСС Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Разные у них были направления деятельности, и сравнивать их по роду деятельности не получается.

И пора открыть причину взволнованности и возбуждения историка Александра Пыжикова, в попытках создания ажиотажного спроса в теме деятельности раскольников. Ключевым выражением, в нескольких приведенных отрывках из книги историка Пыжикова, являются слова: «Тема, разрабатывавшаяся в недрах министерства под строгим грифом секретности, становится достоянием гласности». О какой гласности говорит Пыжиков, когда он на протяжении своего труда ждет, когда же наконец начнутся публичные обсуждения темы раскола и старообрядчества. Дело в том, что все данные государственной статистики являются секретными и на всеобщее обозрение не выставляются, за исключением небольших фрагментов, под грифом ДСП. Поэтому получив какие-то сведения в архиве, касаемых этно-эволюционных вопросов в обществе, историк Пыжиков не может о них публично рассказать, чтобы его не обвинили в разглашении государственной тайны. Когда Александр Пыжиков не архивист, а учитель и поэтому он изнемогает от нетерпения, когда же начнут обсуждать эти вопросы публично другие ученые. Какую же тайну стремился раскрыть народу историк Александр Пыжиков, мы можем понять по ряду его выступлений и публикаций. Историк говорит о том, что представители раскола не противились, как это показано в ряде фильмов, а участвовали в революции, помогая большевикам свергнуть ненавистный режим. Казалось бы «Секрет Полишинеля» о котором знают все. Когда мы в школе изучали, что Савва Морозов и другие купци давали деньги на революцию. Хотя эта информация не связывалась с деятельностью раскольников. А дальше раскрывается другой пласт информации, говорящий о том, что многие деятели революции были воспитаны в старообрядческой среде, когда отстранением царя от власти руководили старообрядец Гучков и закончивший пажеский корпус Родзянко.

Тут надо согласиться с тем, что историк Пыжиков прав, но не все тут, как говорится, чисто и просто. Не важно, что мог увидеть историк Пыжиков в архивах КПСС, но мы получили ответ на вопрос, кто мог ломать церкви в Забайкалье на территории ЗКВ чьим девизом был слоган «За веру, царя и отечество». И стало понятно, что рушили церкви, если не сами раскольники, которых здесь достаточно много, то люди воспитанные в традициях старообрядчества, для которых храмы РПЦ не имеют никакой святости. В Забайкалье много раскольничьих поселений, которых называют «семейскими», они адаптированы в общество, хотя держатся отчужденно и живут по своему уставу. В период правления Никиты Хрущева и гонений

на православную церковь, старообрядцы жили в привычном для них режиме, не испытывая никаких затруднений и даже несколько укрепили свои позиции. В такой интерпретации истории, не каждый раскольничий скит мог укрывать у себя представителей белой армии против отрядов красных. Ита история требует дополнительного изучения.

Помогали раскольники делать революцию или нет, советское правительство решило не афишировать эту помощь, убрав все подтверждающие документы в архив. А потом, как можно рассказывать историю, когда одна религиозная секта, хотя и многочисленная, могла помогать устанавливать советскую власть в стране, и бороться против РПЦ. Это невозможно, не смотря на якобы имеющиеся доказательства, и рассматривать историю революции, с позиции старообрядцев, требуя при этом сравнительного анализа догматических материалов обоих течений русского православия. Это невозможно. Церковь отделена от государства и требовать анализа и признания каких-либо религиозных догматов не может никто.

Таким образом непонятное стремление историка Пыжикова «воскресить» интерес к старообрядцам, говоря о том, что старообрядческая тема вышла из компетенции секретных комитетов и утвердилась в публичном пространстве. В огромной мере этому способствовали писатели, одним из которых стал А. Н. Островский, который изображал социальную среду, купечество, – старообрядческое. В советский период народ, воспитанный на атеистических воззрениях, не придавал значения религиозной принадлежности героев произведений А. Н. Островского.

Тут надо уточнить один вопрос, когда описывая старообрядческое купечество обладающее огромными состояниями, историк Пыжиков, говорит только об одной стороне источника этих богатств, – общине, в которой состояли купцы раскольники. Но ведь был еще один стимулятор, когда можно говорить о том, что все русское купечество имеет свою основу в ключе старообрядчества. Не опускаясь в глубины старины глубокой, мы знаем о купце Афанасии Никитине, ходившем за три моря при князе Иване III. В государстве было единоверие, и все купечество, как и весь народ воспитывалось на принципах староверия, где каждый христианин живший на Руси, был старообрядцем. Реформы патриарха Никона, изменили предпринятые в 1650-х—1660-х годах в Русской Церкви и Московском государстве, вызвали раскол Русской Церкви и повлекла возникновение многочисленных старообрядческих течений. Выражение многочисленных, говорит о том, что у раскольников не было единого вероучения для богослужений, а бывший ранее единым канон стали толковать, кто во что горазд. Сильные позиции купцов раскольников на Урале возникли не сами по себе, этому способствовала сама обстановка существующая в тот момент в обществе. И та сила существующая вокруг купцов раскольников, о которой говорит Александр Пыжиков, это сила общины, на которую опиралось купечество. Купцы финансировали раскольничью церковь, которая в свою очередь держала в повиновении членов старообрядческих общин. Примером можно привести империю купцов Строгановых, Демидовых, Яковлевых на Урале. Как уже было сказано, ранее на Руси было единоверие, а после реформы Никона стало два православных религиозных течения. Купечество встало перед выбором, либо ломать бизнес и искать себе новых работников, либо закрыть глаза на их религиозную принадлежность, ведь люди то остались те же самые, и продолжают верить они в то же, во что верили отцы и деды. Царь Петр I, видимо понимая это обстоятельство, ввел двойной налог на раскольников, разрешив верить в свою старую веру. Услышав о том, что на демидовских заводах старообрядцев не преследуют, сюда со всех концов стали стекаться раскольники.

Для того, чтобы видеть полную картину на фоне чередующихся событий, надо раскрыть страшную тайну, о которой предпочитали молчать все современные историки и политические власти. Тайна эта заключается в том, что русские люди, и после Никоновской реформы, остались русскими людьми. Поэтому, практически все первопроходцы, завоевавшие Сибирь были

староверами, часть из них пришла сюда сама, часть из них прибыла в качестве ссыльнопоселенцев. Парадокс тут заключается в том, что хотя раскольники и проиграли религиозную войну сторонникам государственной церкви, они еще долго участвовали в жизни общества.

Так и случилось, когда стрельцы вели на Нерчинскую каторгу протопопа Аввакума, он был единственным священником в отряде, способным выполнять все необходимые религиозные обряды. Литургии, вечерние и утренние моления и службы. Творить заупокойную молитву по убиенным и умершим членам отряда воеводы Афанасия Пашкова, и принимать покаяние у своих же конвоиров. Заставляющих идущего на каторгу протопопа, тащить нарту со своими вещами и провизией.

Продолжая разговор о купцах раскольниках, вспомним о том, как Московское государство расширялось на восток, когда за Уралом огромными полномочиями обладали купцы Строгановы и Демидовы. А в историографической традиции закрепилось разделение Среднего Урала на «Строгановский» и «Демидовский» регионы. Известно, что в середине XVI века Строгановы получили обширные территории на Урале по рекам Каме и Чусовой, и их притокам.

Границы территорий Московского царства с соседним Сибирским ханством не оформлялись, но купцам Строгановым запрещено было вторгаться на земли, принадлежащие местному населению. Было запрещено принимать у себя разбойников и беглых холопов, но во время войны Москвы с ханом Кучумом, купцы Строгановы, стали принимать беглых и постепенно продвигаться на восток. Где они ставили охранные городки и открывали новые предприятия. Так образовалась торговая империя купцов Строгановых, опирающаяся на население создаваемых ими городов и деревень, в которых управляющие и религиозные структуры практически входили в подчинение торгового дома. И здесь же мы видим протоптанную дорогу, по которой с XVI века бежали на границы государства все, кто имел нелады с законом. Беглых ловили, но тем не менее они тайными тропами пробирались за Уральский хребет. То же самое происходило и с империей купцов Демидовых, где дети Акинфия Демидова успешно развивали огромную территорию многопрофильного, вертикально интегрированного бизнеса. На Тульском заводе Прокофий, в Соликамске и на Сук-суне Григорий, в Невьянске Никита, которым помогали сотни приказчиков в большей степени раскольников.

Если вспомнить о метафизике, с ее дуализмом, и двенадцатимерном строении человеческого бытия, то старообрядцы, – это то невидимое кольцо силы вокруг Демидовых, Строгановых, Яковлевых и других купеческих семей. Которое поддерживало, укрепляло и подставляло плечо, всему, представляющему раскол, купеческому сообществу.

И здесь не надо, многотомных и многословных исследований, доказывающих взаимовыгодное сотрудничество Демидовых и старообрядческой общины. Нужно просто расставить по своим местам все составляющие этой истории, чтобы понять лежащую на поверхности истину. Старообрядцы, – это те же самые люди, рядом с которыми жило и трудилось уральское купечество, и которые, после реформы, в одночасье стали изгоями. И перед купечеством встал вопрос, либо терять бизнес, либо не обращать внимание на вероисповедание работников, да и сами купцы часто пребывали в одной вере со своими служащими. Не маловажный фактор, здесь играет роль такое важное обстоятельство, когда Никоновские реформы пришли в Сибирь через 100 или 200 лет после их провозглашения. Не было нужного количества священников, которые совершали бы обряды по новым правилам. А религиозные воззрения отцов и дедов оказывали преимущественное значение. На этом можно было бы отметить, что Акинфий Демидов на заводах которого трудились раскольники, не был тайным старообрядцем, как это пытаются сейчас доказать. Он был умным человеком, который знал, что религия отцов и дедов не может навредить ему лично. Так финансируя раскольничьи скиты и церкви, уральское купечество получало поддержку местного общества, состоящего из старообрядцев, которые стекались сюда из других регионов.

Еще один парадокс заключается в том, что РПЦ сохранила свои позиции в обществе благодаря раскольникам, потому что, поддерживая в революционном пожаре теневую церковь, нельзя забывать и гонимую. Так руководители государства, воспитанные на староверческих традициях, сохранили такое понятие как крестный ход. И понес народ на демонстрациях, вместо крестов и хоругвей, флаги и транспаранты, а вместо икон понесли портреты «махатмы» Ленина, как назвали его «экуменисты» Николай и Елена Рерихи. А вместо апостолов, сохраняя ритуал, понесли портреты членов бюро КПСС. И идеология, у новой власти и раскольников, оказалась сходной, вместо царствия небесного, люди испытывали стремление жить при коммунизме. Надо честно сказать, что старообрядчество, в большей степени, сохранило принципы морали и нравственности в обществе, удалив на периферию разные секты пропагандирующие половые извращения. Например, было закрыто общество «Долой стыд», когда по Москве и другим городам России стали проводить шествия и разгуливать голые люди. Откровенных нудистов заставили одеться, а тему полового раскрепощения закрыли. Но все меняется, после распада СССР, когда сексуальная революция продолжилась с новым рвением. И сегодня моральный дух и нравственные устои русского народа, сохраняются только у раскольников. Староверы живут обособленно и стараются не допускать в свою среду чужих. Например, в Забайкалье староверы (семейские) живут в отдаленных районах края куда, до недавнего времени, и дорог то нормальных не было. Казалось бы, что сама природа, ретроградным движением, законсервировала, одно поколение людей, в котором с отставанием на 50 лет, сохраняются определенные устои этнической целостности.

Может быть, об этом хотел рассказать историк Александр Пыжиков, называя старообрядчество религией народа, который в глубине своей сохраняет свою самобытность и искру русского самосознания. Что касаемо религиозных догматов старообрядчества, то сегодня о религиях известно достаточно много, и нет никакого смысла сравнивать каноны РПЦ и РПСЦ, какой из них правильнее. Поэтому на раскол перестали смотреть как на чисто религиозное явление, когда в нем есть черты, имеющие гражданское значение, что указывает на политическую составляющую. Поэтому в России государственной церковью является РПЦ, а РПСЦ -это исторически сложившаяся церковь, существующая в дореформенном формате.

Здесь мы снова встречаем непонятное поведение историка Пыжикова, по отношению к вопросам религии, когда он, по каким-то личным причинам, отказывается признавать общеизвестную историю, и вбрасывает разные материалы, не подтвержденные историческими документами: «Как мы говорили, внимание, проявленное А. Гакстгаузеном к русскому расколу, вдохновило тогда многих. Особенно тех российских интеллектуалов, которые имели возможность лично общаться с известным немецким ученым. Например, перешедший в католичество и живший в Европе князь Иван Гагарин [141], увидел сквозь призму раскола новые возможности, для осуществления своей давнишней и невероятной мечты, – воссоединения православия и католичества. Ему казалось, что старообрядцы, в отличие от никониан являющиеся хранителями древней, не испорченной греками веры, – это наиболее перспективные участники процесса объединения с латинством. Возникновение же самого раскола в русской церкви он объяснял отсутствием в ней такого мощного центра, как папа, способного оправдать перед народом религиозные перемены. Находясь в плену этих идей, Иван Гагарин доказывал каноническую правильность перехода староверов под власть римского папы. Он разъяснял: раскольники ищут Церковь, схожую с католической, дабы немедленно обратиться к ней, но не могут найти. Надо открыть глаза этим многочисленным сектам, над которыми не властен православный клир господствующей церкви. Утопичность подобных надежд мало у кого в России вызывала сомнения: все ясно осознавали, что раскол произошел как раз из-за уклонения РПЦ в латинскую веру, вследствие чего православие никониан было объявлено еретическим. Попытки же врачевания русской церкви посредством католического папы искренне удивляли. Журнал „Православный собеседник“ заметил: „…Лучшее средство обратить раскольника к церкви – убедить его, что

русская церковь никогда не соединялась с римскою, никогда не принимала латинских ересей". И надо признать, что это простое, но намного более здравое наблюдение».

Здесь Александр Пыжиков опять впадает в какую-то прострацию и показывает отсутствие способности осознавать такое понятие, как преемственность веры. Он намеренно или по незнанию делает акценты – они и мы, отдавая явное предпочтение раскольникам, на протяжении всей книги между строк видится требование обнародовать документы, связанные с расколом.

Настоящие историки следуют логике и не верят никаким историческим басням об истинной вере или князе Владимире Красно Солнышко. Потому, что до князя Владимира истинная религия на Руси была языческой.

1) Князю Владимиру не зачем было посылать какие-то посольства для выбора религии (это исторический миф), поскольку он воспитывался в христианской среде, при дворе княгини Ольги, которая была христианкой.

2) Князь Владимир, в 988 году принял христианство по греческому обряду, и сделал его государственной религией Киевской Руси, по требованию Византийского императора, главы христианской церкви, чтобы жениться на византийской принцессе Анне.

3) При жизни князя Владимира была единая христианская вера и не было никакого католичества. Раскол церквей на православную и католическую церкви произошел в 1054 году, через 40 лет после смерти князя Владимира. И думается, что профессору от истории не нужно придумывать разные исторические сказки, когда история практически, в научных кругах, уже прописана. Как и о том, что крестьянство шло в ополчение к Емельяну Пугачеву и Степану Разину, не из ненависти к правителям России, а потому, что они, обманывая народ, выдавали себя за царя. Иосиф Виссарионович Сталин называл Емельяна Пугачева и Степана Разина «царистами», когда Емельян Пугачев сам изображал царя Петра III, а Степан Разин якобы вез царя у себя в обозе. Так что какая-то часть народа поддерживала восстания поддавшись обману, а не была влекома чувственными порывами, как это пытаются показать некоторые историки.

Рассуждения

Как правило, интерес к расколу, создавшему внутри государственное напряжение, проявляется на фоне внешних противоречий, когда внешние враги ищут слабые места, в социальных скрепах внутренней политики государства. Долгое время, таким слабым звеном, были казачьи поселения существующие на границах государства. Как правило, свои восстания казаки устраивали, во время войн, которые вело государство, не имеющее возможности оперативного подавления стихийных бунтов, возглавляемых казаками. Бунты эти впоследствии жестоко подавлялись, а зачинщики наказывались. В Сибири есть много поселений, в которых проживают потомки сосланных сюда участников пугачевского восстания. Эти потомки яицких казаков, стали опорой для противоборства с казачьими войсковыми соединениями, во время гражданской войны в Забайкалье. Говорят, что и Наполеон в период организации своего военного похода на Россию, рассчитывал привлечь на свою сторону казаков, в качестве внутреннего союзника. Но к тому времени, наученные предательством гетмана Мазепы и сечевых казаков, русское самодержавие ликвидировало все казачьи вольности, поставив казаков под жесткое управление. Датой образования Донского казачьего Войска, по приказу царя Ивана Грозного, официально считается 1570 год. И учитывая обстоятельство, что вся история казачества полностью политизирована и правды в ней нет, говорить мы о ней не будем. Что касаемо раскольников, то со времен Екатерины II, к старообрядцам, стали относиться терпимо перенаправив их на попечение Синода. И как мы видим интерес к расколу и изучение староверия как крупной и малоизвестной религиозной общности, происходит по инициативе правительства под эгидой МВД. При этом у староверческих масс нет ажиотажного спроса, и заинтересованности в каких-то знаниях. В результате, в конце семидесятых годов XIX века, наступает разочарование, охватившее энтузиастов «хождения в народ», а конфессиональные разногласия никого не заинтересовали. Не интересуют они никого и сейчас, когда религиозное противостояние не стало уделом интеллектуальных споров о догматизме религиозных учений. Об этом будет сказано подробнее, но это обстоятельство надо зафиксировать, в качестве аксиомы: " Либеральная интеллигенция, грезившая восстаниями против правительства, не нашла поддержки в среде старообрядчества». Эту поддержку получили революционеры, представители иной религиозной группы, в борьбе против РПЦ, в которую по мнению историка Пыжикова, старообрядцы включились более охотно. Подавая, таким своим поведением, пример представителям молодежи, вышедшей из крестьянского сословного общества. Но тут, возникает другой вопрос, в праве ли мы с положительной точки зрения, рассматривать проблему участия одной религиозной группы, в уничтожении другого религиозного воззрения. Которое в свою очередь обходилось с раскольниками достаточно жестко, когда по свидетельству того же Александра Пыжикова, уже петровская администрация настойчиво пыталась воспрепятствовать повсеместному «затаению» раскола. И был разработан комплекс мер, по противодействию расколу, включавших штрафы за небытие на исповеди, обязательное посещение церкви, по праздничным дням. Это говорит о том, что правительством разрабатывались и применялись методы легализации раскольников, движимые не духовным смыслом, а необходимостью решать государственные задачи. Связанные с вопросами демографии и пополнения государственной казны налогами, вызванные бегством населения, в том числе и по религиозным причинам. Для возврата беглого населения появляется специальный указ Елизаветы I, в котором людям, убежавшим в Польшу и в Литву, предлагалось без всякой боязни и страха, с женами, детьми и имуществом возвращаться на родину к 1 января 1757 года. Причем тем, кто придет добровольно, обещалось прощение за все, что вынудило их покинуть отечество, и зачисление в ряды верных подданных.

Далее последовали законодательные документы, развивающие эту политическую линию, когда сроки по возвращению на родину бежавших в разное время подданных периодически

продлевались: с 1 января 1757 года до 1758, 1760, и далее. Государство стремилось всех переписать, самовольно убежавших вернуть, не силой, а увещеваниями и самое главное зачислить их в подушный оклад, – введенный в 1724 году. Законодательные акты о раскольниках принимались затем указом Петра III, затем Екатериной II, которая проявляла заинтересованность в сохранении количества подданных. Решением Сената и императрицы Екатерины II в 1768 году была лишена достоинства столбовой дворянки и приговорена к смертной казни Дарья Николаевна Салтыкова, хотя позже, мера наказания была изменена на пожизненное заключение в монастырской тюрьме. Богатая русская помещица, позже вошедшая в историю как изощрённая садистка и серийная убийца, в отношении которой было доказано 38 убийств подвластных ей крепостных крестьян. От таких помещиков садистов крепостные совершали побеги в казаки, так же, как и раскольники, бежали от церковных реформ. Здесь исследователи указывая на то обстоятельство. что не смотря на статистику от ревизии Петра Великого 1716 года, и до переписи 1897-го, количество раскольников всегда оставалось на уровне не более двух процентов, от населения империи. Добавляя при этом, что основная масса старообрядцев в статистику не попадала, и находилась на нелегальном положении. Простые же люди, поголовно внесенные в синодальные ведомости, состояли, в весьма сложных отношениях с РПЦ, имея староверческие приверженности. Заявление спорное, но объяснимое. До реформы патриарха Никона, все население России было староверами, как и следующее за ним поколение, воспитанное на старых традициях. В 1763 году власти, демонстрируя прекращение преследований, закрыли Раскольничью контору. Староверы перешли в юрисдикцию обычных судов, к которым относились все, находящиеся в подушном окладе.

Император Николай I, к концу своего правления инициировал меры по выяснению масштабов раскольничьей общности, и по переписи 1897 года раскольников официально насчитывалось около двух миллионов. Со времени правления Александра II был взят курс на включение староверия в сферу государственного влияния и на подчинение его гражданскому имперскому законодательству.

Таким образом, мы видим, что власти признавали только одну конфессию, представляющую государственную церковь, и не считали наличие в государстве двух противоборствующих ветвей православия. И умелыми действиями ограничивали количество нелегальных раскольников, сначала выявляя их через купечество, представляющее капиталы раскольничих общин. А затем создав практику, когда попасть в купеческие гильдии могли только те, кто принадлежал к синодальной церкви или единоверию. В результате все староверческое купечество оказалось перед жестким выбором: лишиться всего нажитого, или поменять веру, большинство склонялось (или делало вид, что склонялось). Из истории мы знаем, как лидеры купечества Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Сабашниковы, постепенно становились заметными деятелями революционного движения 1905 года. Некоторые исследователи, утверждают, что забастовку часто подогревали сами хозяева, приводя примером Прохоровскую мануфактуру, где рабочие получали зарплату за время остановки производства. Деньги выплачивались участникам дружин, сформированных на Пресне. Мы знаем о том, что революционеров поддерживал фабрикант Савва Морозов, у которого некоторые предполагают родственные связи с боярыней Морозовой известным символом раскола.

Тут парадокс, когда община являлась для народа такой социальной сферой, где все ее члены, даже еще не родившиеся, были гарантированно обеспечены земельным участком пусть не лучшего, но, главное, не худшего, чем у других, качества. И в представлении русского мужика это отвечало понятию справедливости, тогда как купцы староверы своим капиталом опирались на общину, когда после смерти купца этот капитал, часто переходил не родственникам умершего, а другому купцу староверу, имеющему связь с общиной.

Объясняя заинтересованность старообрядцев в революционном движении, историк Александр Пыжиков, говорит, что главным мерилом, объединившим в гражданской войне ста-

рообрядцев и крестьянские массы, это земля. Которую обещали большевики и в пользу староверческой окраски низов свидетельствуют факты невиданных гонений на иерархию РПЦ: «Новый вождь утверждался в рамках „фирменной“ беспоповской староверческой психологии, обретшей новый, теперь уже государственный, формат. В этом смысле можно говорить о том, что старообрядческий проект состоялся, но состоялся уже в исторических рамках советской России. Такая исследовательская новация совершенно не вписывается в господствующую историографическую традицию» [1618] – [1622].

С этим трудно не согласиться, глядя на разрушенные церкви в Сибири, где были поселения старообрядцев. Здесь проявляется еще одна закономерность, когда в силу задачи выживания во враждебной среде, оптимальным инструментом для этого, стали общинно-коллективистские отношения, на которых строилась вся жизнь раскола. Таким образом, конфессиональные мотивы раскольников стали важным фактором в создании колхозов, как «формы сельскохозяйственного производственного кооператива крестьян, которые добровольно объединяются для основной цели совместного сельскохозяйственного производства и управляются в соответствии с принципами социалистического самоуправления, демократии и открытости». Более того, провозглашенная Сталиным идея построения светлого будущего непосредственно здесь – в России, нашла у староверов горячий отклик.

Историк Пыжиков считает, что коммунистическая идеология имеет сходство с новой религией, и в какой-то мере с этим можно согласиться, что старообрядческий проект состоялся, но состоялся уже в исторических рамках советской России: «…краеугольным камнем выживания старообрядцев стали отношения равенства всех членов общины – как в хозяйственном, так и в духовном смысле. Род занятий, положение в общине зависели от способностей каждого и от признания их со стороны единоверцев: простой крестьянин мог стать наставником или настоятелем. Это обеспечивала практика внутренней открытости и гласности, когда ни одно важное дело не рассматривалось тайно. Любой имел право заявить свои требования, и они выслушивались и поддерживались – в случае, если другие считали их сообразными с общей пользой. В такой атмосфере решались также и ключевые хозяйственно-экономические вопросы. Содействие внутриобщинных сил, братское доверие позволили Выговскому обществу скопить громадные капиталы – своего рода общую кассу для различных коммерческих инициатив [380]. В результате Выговское староверческое общежитие трансформировалось в самодостаточную, независимую от властей структуру, развивающуюся по своей внутренней логике.

Известный писатель Михаил Михайлович Пришвин – выходец из старообрядческой среды – воспевал край Выга, где его предки «боролись с царем Петром и в государстве его великом создавали свое государство», не совсем ему дружественное [381]». Охотничьи рассказы Михаила Пришвина, вошедшие в книгу «Календарь природы», изучали в школе. Идеограммы Плещеева озера с мифическим «Берендеевым царством» – раем на земле, в котором достигнута гармония человека с природой, в какой-то мере соответствуют языческим верованиям раскольников, которых выделяли в отдельную страту, – Староверы. Где присутствие древнего язычества, с отдельными персонажами Берендеева царства, позволила русским классикам создать шедевр мирового музыкального искусства с участием сказочного персонажа «Снегурочка». Который перекликается не только с языческой Русью, но и с религиозными верованиями Скандинавия.

Таким образом, можно предположить демонтаж раскола на сторонников патриарха Никона, и приверженцев старого обряда, разбившихся на многочисленные толки. Весь жизненный уклад каждой из этих конфессиональных общностей держался на религиозных опорах двух разошедшихся ветвей православия, положивших начало разъединению страны и формированию различных социумов. Бытие, которых стало протекать в параллельных мирах, редко пересекающихся между собой. Провозглашенный правительством светлый путь к коммунизму

в светском государстве, отделенном от религии, свел к минимуму религиозные разногласия представителей РПЦ и РПСЦ. Отделение церкви от государства, не только способствовало снятию напряжения между обеими ветвями православия, но и сняло вопрос о необходимости разбираться в религиозных догмах и определять чья церковь правильнее. Обновленная церковь реформами патриарха Никона, или церковь старообрядческая, не желающая никакого соглашения с никонианами.

Атеистическое воспитание и всеобщая грамотность населения, на протяжении жизни трех поколений людей, сняло остроту вопроса религиозных споров, вносящих сумятицу в умы народа. Как с сожалением восклицал Александр Пыжиков: «Однако логичного обращения автора монографии к староверческой теме мы не наблюдаем; вместо этого снова читаем о падении нравственности среди населения, не посещавшего храмы, и т. д. Или возьмем другое интересное исследование о крестьянской повседневности в дореволюционную эпоху. Автор убедительно показывает, как религиозность русского крестьянства центральных губерний выражалась в деревенских традициях, в ведении сельскохозяйственного труда. Анализу подвергаются остатки языческих верований, включая различные суеверия. Вот только староверие и тут остается за рамками исследования: его как бы просто не существует, даже само слово старообрядчество не встречается на страницах монографии, посвященной русскому крестьянству [1065]». Это говорит о том, что людям не интересны споры фанатично настроенных религиозных деятелей, какая церковь правильная, а какая не правильная. Способствует такому равнодушию наличие множества разных сект, проповедующих какое-то учение. И руководство страны придерживается тактике средневековых правителей, избравших РПЦ в качестве главенствующей церкви, оставив за скобками догматические споры церковных деятелей.

А на кладбище…

Кладбищенская тема на человека навеивает, как правило, мысли скорбные и печальные, но именно кладбища стали центрами концентрации староверческих сообществ. Рогожское кладбище в Нижегородском районе Москвы стало духовным центром старообрядчества Белокриницкого согласия. Преображенское кладбище, центр старообрядчества Федосеевского согласия. Громовское кладбище принадлежало старообрядцам-поповцам Белокриницкого согласия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.